

* * *

Утро вечера мудренее —
Но дряннее
И длиннее.
Утром вечера —
Словно не было,
И не спрашивать
 больше «Где была?»
Я во сне была —
Там Вас не было.

* * *

Вот была б я молоденькой, худенькой —
Я б такие носила платица!
А тут в зеркало глянешь — Господи!
Ну, на что тут, скажите, тратиться...

А с тех пор, как между нами всё кончено,
Мне повсюду мерещатся белочки,
Тараканы и всякие прочие
Быстробегающие мелочи.
И я даже была у доктора.
Доктор выслушал — и расстроился,
Говорил мне про симптоматику,
И про то, что за этим кроется...

Вот была бы я старенькой, кривенькой —
Я взяла бы тебя на жалость,
Я б схватила тебя,
Тряслась бы вся —
И держалась, держалась, держалась...

* * *

А с Майклом Дугласом ничего у нас не было.
И, видно, не будет. Теперь уже — нет.
Одни только грешные помыслы беглые.
А годы проходят. Десятки лет.
И столько сбывалось — а после не сбылось,
И столько случилось ненужных вещей,
Но Божия милость — есть Божия милость,
И Бог в мелочах.
Я боюсь мелочей —
О них разбиваются хрупкие мысли,
О них спотыкается жизнь на бегу,
Они превращаются в длинные числа,
Которые я сосчитать не могу...

А с Майклом Дугласом мы ещё встретимся —
В том хороводе, где пенье и свет —
Ах, как мы закружимся, как мы завертимся,
Его я узнаю, а он меня — нет.

* * *

Погода такая, что хочется сдохнуть.
А водка такая,
Что хочется жить,
И встретить мужчину,
И, тронув за локоть,
Сказать: «Кучерявый, давайте дружить!»

* * *

В полнолуние люди бесятся,
Людам надобно полумесяца —
Там уляжется всё, уложится —
Всё, что хочется, но не можетя,
Всё, что можетя, но не хочется,
Чтобы ночью спать — не ворочаться,
Чтоб не шарил взгляд — где б повеситься.
Ах, дожить бы до полумесяца!

* * *

Я всё поймать хотела взгляд,
А он скользил за вырез блузки.
Вы мне сказали: «Я там рад...» —
А так не говорят по-русски,
И не касаются рукой
Чужих, ненужных Вам коленок...
И что за взгляд у Вас такой —
Вам как — из горла иль из вены?
...Когда б мы не были «на вы»,
Вам не сносить бы головы.

N.B.

Я любила бы овощи — если б только не брокли.
Я любила бы дождь — если б ноги не мокли.
Я любила бы лето — если б так не потелось.
Я любила бы Вас,
Если б так не хотелось...

* * *

Тихо. Дом — словно обморок,
Только ходики тикают.
Вы меня испугаете —
И я стану заикою.

Вот тогда вы начнёте
Извиняться и каяться,
Говорить, что такое —
Сплошь и рядом встречается...
И хвататься за голову,
И метаться по дому,
И звонить всем подряд —
И врачам, и знакомым.
А я буду молчать
И смотреть укоризненно.
А вы будете мучаться и терзаться —
Пожизненно.

ПО ТУ СТОРОНУ

По ту сторону — люди чёрные живут.
По ту сторону — люди зверями слывут.
Мы не видели самих, но мы слышали.
О них знает стар и мал, кошки с мышами.
Говорили нам про них деды-прадеды,
Что нечистые в лесу с ними ладили.

Чтоб не крали впредь луну в ночь беззвёздную,
Мы обрушимся на них силой грозною.
Мы прольём их злую кровь — волчью, заячью,
Будут вепрями кричать, умираючи.
И не скрыться им от копий карающих —
Мы их будем догонять, убегающих.
На закате добивать будем раненых,
А уж после — ихних жён, запоганенных.

И падут они там все — тьмы и тыщи,
И сравняются с землёй пепелища.
Остальное — разнесут птицы-вороны.
И всё станет хорошо по ту сторону.

* * *

Мне кошка вслед кричала: «Дура!»
И пыль слетала с абажура,
Когда я хлопала дверьми:
Ты этого хотел? — Возьми!
Меня крутило и вело,
И я искала помело —
Нашла. Слетала. Помогло —
И отошло, и отлегло...

И нам ли, милый, быть в печали —
Цветы и ужин со свечами...
Хотелось жить, хотелось петь,
Хотелось лечь и умереть.
И слёзы капали в вино.
А свечи гасли — и темно...

Соседка знает за стеной,
Что мы живём как муж с женой.

* * *

Лизе

Ты думаешь, что если ты летаешь,
То и все летают — ан нет!
Летают только глупые и добрые, мой свет.
А чтобы вот за художника,
Да ещё за еврея —
Тут надо бы осторожненько,
Это — как лотерея...
А если и он летает —
Опаснее не бывает.

* * *

Лизе

Она была прекрасна и чиста,
И были высоки её полёты,
Она читала Моцарта с листа
И думала, что Моцарт — это ноты.
Она брала волшебный свой смычок
В прекрасные, *поставленные* руки,
Она играла Моцарта — как бог
И думала, что Моцарт — это звуки.

Вот скрипка. Сцена. Вот она сама.
И зал — как души спасшихся из Ада.
Она сводила публику с ума,
И думала, что так оно и надо.

* * *

...А на заднем плане — цыгане
И цыганки — Груни да Мани
Вам подарят любви и взгляда —
Ровно столько, насколько надо,
Но посмотрят на вас, не видя,
И в глазах лишь одно: «Изыди!»
И плевать им на ваши слюни —
Они гордые Мани и Груни,
И судьба у них — тёмный омут,
И у каждой в кармане — ножик...
Вам бы лучше идти до дому
И не трогать их грязных ножек.

Вам же нужен души кусочек,
А душа там — совсем другая,
И не то, чтоб чернее ночи,
А заглянете — испугает,
И захочется вспомнить Слово
И раз двадцать перекреститься...
Если батюшка не суровый,
То вам это потом простится.

* * *

В ту ночь меня боготворили,
Слова взлетали и парили,
И я внимала, не дыша,
Тому, что дивно хороша...
...как состоявшийся поэт.
А мне бы — так убавить свет...

Речь шла о том, что много званных,
Но мало — ТЕХ,
И, что не всякая «Осанна!»
Идёт наверх,
О разработке материала,
Заточке фраз...
А я тихонько умирала
От этих глаз.

И шли накатом, нарастали
В висках лавины «Болеро»...
Но руку мне поцеловали —
«Как длань, державшую перо».

И женщина в моём лице
Тогда в лице не изменилась,
Я даже, помню, извинилась —
Уже потом, уже в конце.

* * *

Да, я люблю Вас — а то Вы не знали,
А то Вы лишь только вчера родились,
А то Вы считали, что руки дрожали
Лишь только у крупных и мелких актрис.

А то Вы решили, что можно спокойно
Прожить свою жизнь, никого не сгубив,
Что правда — не правда, а больно — не больно, —
Чудесная песня, но гнусный мотив.

Вы верите в Бога? — хотя бы немного,
Хотя бы настолько, чтоб страх обуял
При виде крутого чужого порога,
Чужих простыней и чужих одеял?

И ежели — да, то Вам будет спасенье —
Мерцающий свет, путеводная нить,
И светлая радость, и дивное пенье...
А ежели — нет, то не мне Вас учить...

* * *

Мне с тобой — не детей крестить.
Но тому, чему быть — быть.
А для тех, у кого — честь,
Тем и пуля, и лоб есть.
Ну, а если стыда — нет,
То на нет — и суда нет.

* * *

Ах, да... Ты опять хочешь правды.
Её я имею — полно́!
Но только из длинной цепочки
Одно выпадает звено...
Потом выпадает другое,
И мы уже вяжем узлы,
И речь осторожной дугою
Скользит, огибая углы.
А вечер уж близится к ночи,
И не было этого дня,
И ты уже правды не хочешь,
И нету её у меня.

* * *

То ли это дерево качается,
То ли это Боженька печалится,
Как-то это странно получается:
Наступил февраль — и не кончается.
Господи, прости меня, нетрезвую,
Господи, не то чтобы я брезвую...
Мне Твои сокровища несметные —
Всё равно что мальчики балетные.
Господи, я так Тебя люблю!
Пригляди за мной, а я посплю...

* * *

...И опять матрос повешенный
Приходил,
И по стенам взглядом бешеным
Проводил,
И стонал там, светом залитый, —
В темноте...
Ох, не тем я, право, занята —
Ох, не тем.

Что ни сон — то вынимание
Из петли.
Окна дразнят расстоянием
До земли,
Оголённой позолотою —
Провода... —
Не туда мозги работают,
Не туда.

* * *

В Риме лето лежит недвижимое,
Время есть понятие растяжимое —
Эти римские цифры на арабские числа,
Не лишённые стати, но лишённые смысла,
Когда будит ночами и находит волною
То, что снилось в снесту, а случилось зимою.
И уже всё равно, что слова, что дизезы —
Мне что *ёбтваюмать*, что культурные срезы —
Эти нимбы да ямбы
Золотистого цвета,
Да виола да гамба,
Да конец света...
А потом все женятся, зло наказывается...
Жаль, что сказка ваша не скоро сказывается.

* * *

Опять любое «здрасьте» бьёт по нервам,
Опять второе Я не дружит с первым,
И в мире, где погашен белый свет,
Любое слово сводится на нет.
И нет конца. И не хватает зла,
Когда поют «Печаль моя светла...»

* * *

Эта глупость лебединого периода,
Эта пропасть на разломе бытия,
Эти неводы, где рыбой бьются выводы —
Все про то, что «лошадь не моя»...
Ты любя убьёшь — и не заметишь,
Ты, любя, заметишь — и убьёшь...
Идиш — это средство, а не фетиш.
Ты мне не по милому хорош.
Мы тебя ещё досочиняем:
Ты мой белый-белый, белый лист.
Ты ведь только с виду дядя Хаим,
А в душе ты парень-гармонист.

* * *

Если ты такой хороший,
Почему жедохнут рыбки,
Если ты на них помотришь
Так, как смотришь на меня?
Если ты такой хороший,
Почему тогда так зыбко,
Почему тогда так зябко,
Почему народ слинял?
И уж коль я не такая,
Не того, сам знаешь, сорта,
Коль взаправду я такая,
Кем казаться я хочу,
То скажи, какого чёрта,
Нет, скажи, какого чёрта,
Объясни, какого чёрта
Я здесь всё ещё торчу?

* * *

Всё что угодно — но только по-польски,
Чтоб я ни слова понять не могла,
Что где-то там в Гданьске, или Подольске
Какая-то баба ему родила.

Всё что угодно — но только на вдохе:
Линия фронта и вражеский тыл,
Крупные формы и малые крохи,
Ангелы, птицы и твари без крыл —

Всё что угодно — и бред с наваждением,
И откровенье раскрытых окон,
Неудержимо манящих паденьем —
Всё что угодно — но только не он.

* * *

Мой терем — на краю земли.
Бояре, вы зачем пришли?
Молодые, я сейчас спущусь —
Я вот только застегнусь, расчешусь.
А когда я к вам сойду на крыльцо —
Молодые, не глядите на лицо —
Ой, черно оно черно в свете дня,
А вот ночь — она как день для меня:
Я седую расплетаю косу́
Да с берданочкой гуляю в лесу,
Да у речки на крутом берегу
Всё стою-хочу-взлететь-не-могу...
А ведь раньше я весёлая была,
Всем давала — одному не дала.
Он потом ко мне пять дней приходил,
На шестой пришёл — убедил.
И будь проклят он навеки, тот день:
Я потом за ним полжизни — как тень.
Я что было — вспоминать не хочу —
Лучше я пойду над речкой взлечу.
Помню только белый лоб да пробор...
А берданочка со мной с этих пор...
...А мой терем на краю земли —
Ой, бояре, вы пошто ушли?

* * *

Совсем немножко, для разогрева,
Рюмашка справа, а сердце слева.
И станет легче, и станет лучше,
И слово к слову потянет ручки,
Они сплетутся в неразберихе —
Сначала громко, а после — тихо:
Так тихо-тихо, но дружно-дружно,
И станет как-то совсем ненужно —
Ни песни нежной, ни мысли книжной,
Ни бури снежной, ни чакры нижней.

* * *

Есть просто улицы
и улицы,
Где тени кажутся длиннее.
Когда две девочки целуются,
То им, наверное, виднее...

Такие девочки хорошие...
Мне б тоже что-нибудь в оборочку...
Такие редкие прохожие...
Такая улица под горочку.

* * *

На Портобелло музыка играет,
И сразу вспоминаешь теплоход.
Махнёшь рукой — и сердце замирает,
Который год, уже который год...
Цветы завянут, птицы перестанут,
И ты поймёшь, что лето пролетело.
На Портобелло всё равно тебя обманут,
Но невозможно не пойти на Портобелло.

* * *

Принять меня за чистую монету —
Ах, *божемой*, вольно же было Вам!
Вам надо больше воздуха и света
И меньше припадания к словам.

Жизнь — умное дитя в своей природе...
И ничего, что зубы в три ряда.
А женщины приходят и уходят —
Вокзалам наплевать на поезда.

* * *

Небесными силами, лисами, лесами, лóсями —
Я заклинаю Вас — не трогать осени.
Играют все — кто б они ни были —
Конокрады, кони ли...
А Вы — тронули, значит — выбыли,
Но ещё не поняли.

* * *

Старый Царь меня искал —
Причитал, как маленький,
И чулочки целовал,
Брошенные в спальне.
Гладил туфли, говорил:
«Ах вы, туфли-лодочки...
Мысок, каблучок...
ножка посере́дке...»

Он не мог ни есть, ни пить,
Ни лежать на печке —
Холуям велел рубить
Полынью на речке.
И шагнул за кромку льда,
Сам себя жалеючи..
Ох, смеялись же тогда
Мы с Иван-царевичем!

* * *

Скажи, мы всё ещё друзья,
Или уже друзья навечно —
Той дружбой, что с утра нельзя
Запить рассолом огуречным?

Я это, собственно, к чему:
Ты очень занят был в Крыму?
Ты мне скажи: да-да, нет-нет —
Каков вопрос — таков ответ.

* * *

Когда мне снится, что тыходишь —
Я просыпаюсь.
Я не высыпаюсь...

Мы спорим, спорим — и я просыпаюсь,
Когда уступаю.
Я недосыпаю...

А ещё мне снятся пальмы
И всё, что знойно,
И я уже измучилась совсем.
Мне бы поспать спокойно
Часов семь.

* * *

И ты пойми одну такую простую вещь,
Что можно в комнату пустую
войти — и лечь —
Вот так, свалиться наповал —
Навечно, на пол,
Но только чтобы этот кран
На кухне капал —
Чтоб захотелось вдруг дождя
Стеной по окнам,
И чтоб сбивал на слове «я»
В «сейчас я сдохну».

* * *

Ну и как мне теперь быть?[?]
Ну и что мне теперь делать?[?]
Я, конечно, умею выть —
И не просто — а выть, как нелюдь.
А ещё я могу сплясать
Африканский такой танец,
А ещё могу нож взять
И отрезать себе палец,
И решить, что уже согрелась,
И начать продолжать жить —
Только что мне теперь делать?[?]
Только как мне теперь быть?[?]

* * *

Конечно, конечно... такая преграда...
И если «так надо», то, значит, так надо.
И я не в обиде, я баба не злая.
Я Вас поцелую и Вам пожелаю:
От этого «надо» —
До самого ада
Живите не кисло —
Отныне и присно —
Отсель — и дотолё.
Аминь, что ли...

* * *

...А душа есть
И она болит
И с нею нянчатся, как с ребёнком:
Накормят, вымоют и уложат спать
И сказку расскажут
И свет оставят...